

давнему другу — Геннадию Александровичу Можаяву. Нужно помнить, что перед тем как опорной кафедрой по анестезиологии стала кафедра Людмилы Васильевны, эту функцию выполняла кафедра в Луганске. Поэтому и Л.В. Усенко, и Г.А. Можаяву было интересно узнать мнение друг друга о состоянии учебно-методической работы на кафедре.

В это время на кафедре шла лекция. Хотя это и было в прошлом тысячелетии, помню точно, что читал ее доцент (тогда) И.Р. Малыш, тема — «Интенсивная терапия при черепно-мозговой травме». Среди лекции к нам вошли Г.А. Можаяв, Л.В. Усенко и еще один член комиссии. Поинтересовавшись темой, Людмила Васильевна задала самый элементарный вопрос: этапы сердечно-легочной реанимации по П. Сафару. Подняла интереса третьего года, затем второго года, но все упорно рассказывали не этапы (немедленное поддержание жизни, дальнейшее поддержание жизни и длительное поддержание жизни), а стадии реанимации — АВС. В зале — жуткая тишина: кого комиссия спросит следующего? Волнуется Г.А. Можаяв, И.Р. Малыш с трибуны показывает нам всем кулак, да и сама Людмила Васильевна уже, казалось, испытывает неловкость оттого, что на ровном месте ввела всех в ступор. Напоследок решила спросить того, кто сидел прямо перед ней, — меня.

Что я отвечал первые полминуты, я не помню. Потом, вспоминаю, я говорил и говорил, описывал

прием Сафара и дефибрилляцию, неоднозначные эффекты ГБО, ссылаясь на недавно защищенную докторскую диссертацию Е.Н. Клигуненко, приводил работы П.Н. Чуева (как потом оказалось, именно он зашел к нам в зал вместе с Людмилой Васильевной)... Комиссия осталась довольной, шеф — счастливым, а я — оглушенным от происшедшего. В конце моего ответа Людмила Васильевна произнесла слова, которые я запомнил на всю жизнь: «У вас неплохие перспективы. Уверена, мы еще встретимся!»

Дорогая Людмила Васильевна! У нас большое будущее, потому что у нас — потрясающее настоящее. Мы — счастливые люди, потому что нам выпало счастье жить с Вами в одно время и учиться у Вас доброте и принципиальности, честности и трудолюбию, смелости и чувству такта, успевать и быть лидером, как говорить и как молчать... Огромное спасибо Вам за все уроки, которые Вы нам преподносите. Искренне поздравляем Вас, глубокоуважаемая Людмила Васильевна, с замечательной датой! От всей души желаем Вам крепкого здоровья, энергии, счастья, мира и благополучия! С Днем рождения!

Юрий НАЛАПКО,
заведующий кафедрой анестезиологии,
интенсивной терапии и экстренной медицинской помощи
Луганского государственного
медицинского университета

В 1984 г. после поездки в США в составе делегации советских женщин по приглашению американской женской организации «Мосты для мира» (Bridges for Peace) Л.В. Усенко начала коллекционировать колокольчики. В Берлингтоне (штат Вермонт) она проживала у Джин Смит. Именно у нее Людмила Васильевна увидела прекрасную коллекцию из более 300 колокольчиков, которая вызвала у нее изумление и желание привозить колокольчики на память о посещении различных интересных мест.

Первый бронзовый колокольчик был подарен Дж. Смит и заложил основу будущей коллекции. С тех пор коллекция Людмилы Васильевны регулярно пополняется и в настоящее время состоит из более 1000 колокольчиков, рассказывающих о культуре и традициях, искусстве, вероисповедании и истории разных народов. Для более полного представления мы бы хотели опубликовать статью, посвященную истории колоколов и колокольчиков, которая характеризует многогранность интересов Людмилы Васильевны.

УСЕНКО Л.В.

КОЛОКОЛА И КОЛОКОЛЬЧИКИ

О колоколах и колокольчиках можно говорить в нескольких аспектах: колокола — атрибуты церковной службы, колокола — символы, колокола и колокольчики — музыкальные инструменты, хобби отдельных людей и др.

В энциклопедическом словаре И.А. Эфрона (1895) указывается, что металлические колокола стали атрибутом христианского богослужения при Павлине — епископе (353—431). Существует поэтическая легенда о том, что их про-

тотипом послужили полевые цветы — колокольчики, мелодичным шелестом которых заслушался однажды этот епископ. Однако в сочинениях Павлина об этом не упоминается. В исторических памятниках Запада о колоколах (при церквях Рима и Орлеана) впервые говорится в VII в. Вероятнее предположение, что мысль о применении колокола при богослужении возникла под влиянием колокольчиков, бывших в употреблении у римлян (и раньше — у египтян и евреев) для призыва домашней прислуги и рабов, для подачи сигналов к общественным собраниям.

Во время гонения на христиан использование колоколов прекратилось. В VIII веке колокола на Западе стали применяться в церквях благодаря Карлу Великому (742–811). Делали их из меди и олова, позже стали добавлять железо и даже серебро. Папа Иоанн XIV установил обычай «крещения» колоколов, давая каждому из них имя какого-либо святого. Колокола любят свои места, они неохотно покидают церковь, именем покровителя которой они освящены. Своим звоном они прогоняют бесов и даже болезни. На большом колоколе в Женеве написано: «Я прогоняю чуму, я изгоняю демонов» или «Несчастье обращаю в бегство, тем самым изгоняю демона».

На Востоке колокола впервые появились в середине IX века, когда по просьбе императора Василия Македонянина (867–886) венецианский дож Орсо прислал в Константинополь 12 колоколов для вновь сооруженной церкви. Вначале на Востоке это не привилось. Только когда крестоносцы заняли Константинополь (1204), в нем опять начали появляться колокола. В Россию колокола пришли не из Византии, а с Запада, на что указывает их русское название. Первое упоминание о них в летописях относится к 988 г. Русские колокола вначале были небольшой величины. Их начали отливать впервые в Киеве в середине XIII в. После татарского ига их снова стали привозить из-за границы, преимущественно в Северо-Восточную Русь. С XVIII в. колокола начали делать в России, хотя иногда привлекались иностранные мастера.

Степень звучности колокола и его тембр зависят от процентного содержания в нем различных металлов. В 1889 г. в Харькове был сооружен колокол из чистого серебра. Лучшие колокольные заводы на Западе — в Голландии; в России — в Москве, Ярославле, Воронеже, на Валдае, в Костроме, Енисейске. Московские колокола известны чистотой и силой звука.

По форме и звуку колокола бывают трех типов: русского, западноевропейского и китайского.

Русские имеют звук нерезкий, но продолжительный. Западноевропейские — резкий и сильный звук, но короткий. Китайские (индийские, японские) имеют глухой и непродолжительный звук.

Россия славилась своими колоколами истарии. Второе место по богатству колоколов занимает

Англия, где звонить в колокола — любимое народное увеселение. В Англии и других странах есть общества любителей колоколов, общества звонарей, искусство которых развивается от столетия к столетию. Так, британское общество звонарей-любителей имеет вековые традиции, ведя свою историю с XVII в.

По всей Англии известен колокол «Большой Том» в Оксфорде и «Великий Петр» в Йоркском соборе. Во Франции самый старинный и большой колокол — «Бурдон» в соборе Парижской Богоматери, в Италии лучшие колокола в Риме, в соборе Святого Петра, на Капитолии. А сегодня при посещении Ватикана на память дарят маленький колокольчик. От древнейшего времени сохранились колокола в Германии, самый древний — 1144 г. в Иггенсбахе, в Нижней Баварии. Самый большой колокол — в Кельнском соборе, в Австрии известен колокол на башне святого Стефана в Вене. В Швеции есть оригинальные колокола из стекла (в Упсале), издающие превосходный звук.

В средневековых легендах Западной Европы рассказы о колоколах занимают особое место: звон колокола в них и молящий, и радостный, и гневный, и обнадеживающий. Русские колокола несут покой и умиротворение.

Как летописная страница начинается с красной строки, так колокольным звоном открывались многие памятные страницы истории, дни, вошедшие в нее под собственными именами. Вечерним звоном в Палермо началась славная «Сицилийская вечерня», восстание против французских оккупантов. Колокольный звон был сигналом к резне гугенотов, страшной Варфоломеевской ночи. Звоном надежды занималась заря Кровавого воскресенья.

В Мехико над центральным балконом президентского дворца висит небольшой, потемневший от времени колокол. Утром 10 сентября каждого года он звучит, открывая торжественное празднование Дня независимости Мексики. Легендарный колокол напоминает гражданам страны о таком же дне 1810 года, когда на рассвете в местечке Долорес он поднял своим звоном народ на восстание против испанских завоевателей.

В Филадельфии (США) во Дворце независимости как национальная святыня хранится надтреснутый, давно умолкнувший Колокол свободы, который 4 июля 1776 г. своим гулом ознаменовал первый день независимости. Сейчас он находится в Вашингтоне.

Кельнский «кровавый» колокол созывал население в городской суд.

Лондонский колокол «бедного грешника» возвещал о казни преступника. Страсбургский «колокол смерти» гремел, когда городу грозила опасность, он созывал граждан на ратушную площадь.

Интересна история так называемого «ссылного колокола», который находился в г. Угличе в церкви царевича Дмитрия на крови. Его история связана с убийством младшего сына

Ивана Грозного царевича Дмитрия во времена Бориса Годунова.

Удар колокола! Нет, это не просто сигнал времени. На еще не отзвучавший басовый гул накладываются переливчатые аккорды высоких колоколов. Звук колоколов многолик, многоцветен. Сверкнув резким металлическим звоном, он, словно солнечный луч в призме, раслаивается в своем полете радугой отчетливо различных тонов, которые затухают неравномерно: то один, то другой на мгновение заслоняют собой остальные и тотчас уступают место третьему, звучащему ниже и тише. Последняя из слышимых нот неярко тлеет едва ощутимым зво-

ном, напоминая о родном крае и обо всем, что связано с ним.

Прекрасно это отражено в стихотворении замечательного русского поэта Ивана Козлова «Вечерний звон»: «Вечерний звон. Как много дум наводит он...»

Бывает, что колокола звонят сами, без участия людей, что обыкновенно считалось предвестием беды.

Судьбы колоколов отличны от судеб людей. Бронзовые тела их не ветшают с возрастом, серебряные голоса их не стареют с годами, а возраст колоколов исчисляется столетиями. Смерть не страшна им — даже расплавленные на куски они вновь воскресают в огне плавильной печи, как птица феникс в пламени костра.

Прошли века, и из церковного атрибута колокольный звон превратился в экзотическое музыкальное искусство. Уже в IX в. колокольчики применялись для исполнения несложных мелодий. С XV в. они получили большое распространение в странах Западной Европы, особенно в Нидерландах, Франции. Колокола устанавливались не только на церковных колокольнях, но и на зданиях городских ратуш. Впоследствии колокола с ножным и ручным клавишным механизмом, а также с механическим приводом стали применять в башенных и

Врач-анестезиолог (1962 г.)

Заведующая отделением анестезиологии и реанимации (1967 г.)

Ректор Днепропетровского медицинского института (открытие нового санитарно-гигиенического корпуса, 1984 г.)

Депутат Верховного Совета УССР (слева академик НАН Украины В.В. Пилипенко, 1988 г.)

Член-корреспондент НАН и НАМН Украины (сессия НАН Украины, 2009 г.)

стенных часах. В начале XVII в. в Германии колокольчики стали частью домашнего музыкального инструмента — колокольного фортепиано. В еженедельной телевизионной передаче из христианского Хрустального собора (США) 27 февраля 1994 г. музыкальным коллективом было исполнено на колокольчиках прекрасное произведение «Праздник колокольчиков».

Колокола средних размеров и колокольчики уже давно включены в разряд ударных музыкальных инструментов определенной звучности. Колокольчики используются и как древний инструмент в культовых ритуалах в странах Латинской Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, Дальневосточного региона России.

Интересно вспомнить предания, согласно которым колокольчики появились тогда, когда на земле единственным средством транспорта была ямщина и когда лихие забубенные ямщицкие песни да звоны колокольчиков оглашали окрестности, и там, где падали на землю перезвоны колокольчиков, прорастали цветы.

Сергей Красиков (1990) в книге «Легенды о цветах» приводит красочное стихотворение «Колокольчик»: «Рассветное пламя изодрано в клочья, звенит над лугами весь день колокольчик...»

Тема колокольчиков нашла свое отражение в русской поэзии, особенно в конце прошлого — начале нынешнего века. А. Толстой пишет: «Колокольчики мои, цветики степные! Что глядите на меня, темно-голубые...» П. Вяземский посвящает им «Дорожную думу», «Еще тройка».

А кто не слышал о валдайских колокольчиках, известных не только в России, но и далеко за ее пределами? Предание относит начало Валдайского колоколотейного промысла к 1478 г., когда царь Иван III повелел снять в Новгороде Великом символ его свободы и вольности — вечевой колокол. Об этом написал поэт К.К. Случевский в книге «По северу России» в 1886 г. Предание гласит, что первым надпись «Дар Валдая» отлил в 1802 г. литейщик Филипп Терсков. Валдайским колокольчикам в 1825 г. поэт-декабрист Ф. Глинка посвятил стихотворение «Сон русского на чужбине». Поэт П. Заяц пишет:

*В моей ладони
спрятался легко
Подарок друга —
маленькое чудо.
Валдайский колокольчик!*

Колокольчики используют в семьях в рождественские праздники. Нежный, зовущий их звон собирает всех членов семьи к праздничному столу как символ единения, взаимопонимания, взаимоподдержки, символ добра, любви и мира, благополучия.

Кроме того, собирание коллекций колокольчиков является хобби отдельных людей. Многие могут рассказать колокольчики, сделанные умельцами разных стран и континентов, из разных материалов, разной формы, в ряде случаев это произведения искусства. Они позволяют больше узнать о народах этих стран, их истории, традициях, укладе жизни, быте, культуре, мастерстве.

1994 г. ■